ТЕАТР ЧЕТВЁРТОГО ВЕТРА

Афиша без имени

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

Афиша без имени

«Автор»
2026

Северина А.

Афиша без имени / А. Северина — «Автор», 2026

Гастрольный театр, 1912 год. После провала третьего действия имя ведущей актрисы Елизаветы Рудневой исчезает с афиши. Суфлёрша Аглая Одоевская выясняет, что сцену сорвали противоречивые распоряжения, неисправный механизм и спешка антрепренёра. Теперь труппе предстоит вернуть зрителей, договориться о распределении ролей и решить, кто заплатит за ошибки за кулисами. А молодой актрисе Варваре Юдиной впервые выпадет шанс сыграть главную роль.

© Северина А., 2026
© Автор, 2026

Алёна Северина
Афиша без имени

Глава 1. Пустое место в наборе

К утру дождь вымыл из мостовой почти всю вчерашнюю пыль, но не смыл мел с театральных ступеней. Белые стрелки, которыми вечером указывали путь к боковому входу, расплылись в неровные пятна. Аглая Одоевская остановилась под навесом и стряхнула с полей шляпы воду. На стене, где обычно висели объявления о потерянных перчатках и перемене начала спектакля, рабочий приклеивал новую афишу.

Он разглаживал её ладонью от середины к краям. Бумага шуршала, клей проступал сквозь тонкие места, и на мгновение буквы становились почти прозрачными. Аглая привыкла читать афиши не так, как зрители. Её взгляд прежде всего искал фамилии: кто сегодня занят, кого надо предупредить о сокращённой сцене, у кого после второго действия будет время переодеться. На новом листе фамилии стояли в привычном порядке, пока не доходили до главной роли.

После слов «Невеста на переправе» и имени автора следовал перечень действующих лиц. У второстепенной роли, где вчера выступала Варвара Юдина, фамилия была напечатана полностью. У роли Анны, вокруг которой держался весь спектакль, оставили только название. Между ним и следующей строкой зиял ровный пробел.

— Кого же вы тут забыли? — спросила Аглая.

Рабочий не обернулся. Он прижал край афиши мокрой тряпкой и ответил, что ему велено наклеить, а не разбираться. Сказал без грубости, просто устало. За ночь он успел обойти половину города и теперь торопился к последней тумбе возле пристани.

— В типографии забыли литеру? — спросила она.

— Литеру можно вставить. Здесь место целиком не набрали.

Он отступил, оценил свою работу и ушёл, унося ведёрко с остатками клея. Аглая осталась перед стеной. Вчера вечером на этом месте было напечатано: «Елизавета Руднева». Она сама видела старый лист, когда выходила за аптечным порошком для певицы из хора. Сегодня имени не было. Ни исправления, ни объяснения. Только пустая строка, слишком аккуратная, чтобы возникнуть случайно.

В городе ещё не открылись лавки. Из булочной напротив тянуло горячим хлебом, из конюшни за углом — мокрой соломой. Мимо прошёл мальчишка с корзиной газет и, не замедляя шага, выкрикнул название утреннего выпуска. Аглая купила один номер, хотя знала, что денег в кошельке осталось ровно на завтрак и дорогу до квартиры. На третьей странице она нашла заметку о вчерашнем спектакле. Рецензент писал, что исполнительница главной роли «не сумела удержать паузу» и заставила зал ждать там, где действие должно было стремительно развиваться.

Пауза действительно была. Аглая помнила её до последнего вдоха. Она сидела в суфлёрской раковине, где даже летом пахло сырой древесиной и пылью от бархатной кромки, и видела снизу только ноги артистов. В третьем действии герой должен был распахнуть дверь, за которой стояла Анна. После его слов оркестр давал короткий аккорд, дверь открывалась, и Руднева входила в свет. Вместо аккорда раздался сухой скрип; дверь не подалась, а музыканты продолжали ждать условленного знака. Аглая дважды подала начало следующей реплики. Актёр у двери не услышал. Зал зашевелился, кто-то рассмеялся. Руднева появилась лишь тогда, когда сценический рабочий сдвинул заевшую створку плечом.

Публика решила, что актриса забыла выход. Аглая знала, что она стояла на своём месте.

С газетой под мышкой она вошла в театр через служебную дверь. Вахтёр Матвей Игнатьевич обычно не пускал никого раньше одиннадцати, но сегодня только кивнул. На столе

перед ним лежали два билета с оторванными углами и счёт за свечи. Вахтёр пересчитывал мелочь, словно надеялся обнаружить в ней недостающую монету.

— Господин Кузнецов уже здесь? — спросила Аглая.

— С рассвета. Дверь у себя закрыл. Сказал, никого не принимать, пока не придёт кассир.

— А Елизавета Петровна?

Матвей Игнатьевич поднял голову. Он знал всех в труппе и никогда не называл артистов по фамилиям, если рядом не было публики.

— Не приходила. Вчера её вещи остались в уборной. Горничная утром видела сундук, но не трогала.

Аглая поблагодарила и прошла по коридору. Здесь театр казался гораздо меньше, чем из зала. Доски пола были стёрты до серого дерева, под потолком тянулись трубы отопления, а из-за приоткрытой двери костюмерной доносилось раздражённое постукивание ножниц. Вчера в этих коридорах все говорили одновременно: кто-то требовал исправить дверь, кто-то искал пропавшую шпильку, кто-то уверял, что зрители ничего не заметили. Сегодня голоса берегли.

У костюмерной сидела Варвара Юдина. Молодая актриса держала на коленях белую перчатку и распарывала шов маленькими ножницами. Когда Аглая приблизилась, Варвара спрятала работу под платок, как школьница прячет невыученный урок.

— Ты видела афишу? — спросила Аглая.

— Видела.

— И что думаешь?

— Что там нет имени, — ответила Варвара после паузы. — Ты ведь и сама умеешь читать.

Её резкость была слишком поспешной. Аглая присела на соседний стул. В труппе ходили разговоры, что Кузнецов давно обещал Варваре большую роль, но каждый раз находил причину отложить её выход. Теперь, после неудачного вечера, обещание могло обернуться делом. Аглая не собиралась делать из этого вину Варвары.

— Я не спрашиваю, кто займёт место, — сказала она. — Я хочу понять, кто решил оставить его пустым.

— Решают те, кто платит за бумагу. Нас не спрашивают.

Варвара расправила перчатку. На ладони осталась едва заметная прореха. Она взяла иглу и добавила уже тише:

— Елизавета Петровна вчера дала мне свои новые застёжки. У меня на втором действии разошёлся рукав. Она могла сказать, что это не её забота. А теперь все говорят, будто она сама испортила спектакль.

— Все — это кто?

— Те, кто вчера громче других уверял, что дело в двери.

Аглая услышала в этой фразе не только обиду. Варвара не хотела получать роль как награду за чужую беду. Но если откажется, Кузнецов может отдать её другой актрисе, а сама Варвара снова останется с двумя репликами и дорожным жалованьем, которого едва хватало на комнату.

— Если тебе предложат Анну, — сказала Аглая, — не отказывайся из жалости. Только прежде спроси, исправили ли дверь.

Варвара впервые посмотрела ей прямо в глаза.

— А ты спросишь?

— Я уже собираюсь.

За стеной кто-то передвинул тяжёлый сундук. Варвара вернулась к шву, а Аглая пошла дальше, туда, где начиналась сцена.

Служебная лестница вывела её за задник второго действия. В полутьме висели свёрнутые полотнища, нарисованные деревья и два облупившихся столба, которые на сцене изображали пристань. Между ними лежал снятый дверной щит. Створку отцепили от петель, но не унесли

в мастерскую. У нижнего края древесина была расщеплена; один железный уголок отогнулся наружу. Аглая провела пальцем по трещине и почувствовала занозу.

— Не трогайте, — раздался голос из-за кулисы. — Потом скажут, что вы её сломали.

Это был Илья Костров, помощник машиниста сцены. Ему не исполнилось и двадцати, но он уже говорил о театральных бедах так, будто видел их на десять лет вперёд. На плече у него лежала бухта верёвки, а на рукаве белело пятно извести.

— Когда её сняли? — спросила Аглая.

— Ночью. После того как ушли зрители.

— Почему вчера не открылась?

Илья посмотрел на щит с неприязнью.

— Потому что под нижний угол поставили новый упор. Чтобы створка не била по декорации. Его ещё днём прибили. А вечером забыли сдвинуть.

— Кто прибил?

— Я, — сказал он. — По распоряжению старшего. Только я предупредил, что надо проверить ход. На проверку не было времени.

Аглая присела возле двери. Упор был маленьким, почти незаметным. Он мешал створке пройти последние несколько вершков. Сама Руднева, ожидавшая за дверью, не могла знать, что происходит с другой стороны. Даже если бы она толкнула сильнее, это нарушило бы сцену: её появление должно было быть неожиданным для героя, а не сопровождаться стуком и борьбой с декорацией.

— Оркестр почему не вступил? — спросила Аглая.

— Ждал знака.

— Какого?

Илья удивился.

— Вашего, наверное.

— Мой знак — реплика. Я подала её вовремя.

Он пожал плечами. Для рабочих сцены музыка была делом музыкантов, а для музыкантов — делом дирижёра. Между ними оставалось пространство, куда легко проваливалась ответственность. Аглая знала это пространство лучше всех: суфлёр должен был услышать каждую ошибку, но не имел права остановить спектакль ради объяснений.

— Ты был у двери, когда началась пауза?

— Был. Только я тогда держал задник. Старший велел не отходить.

— Кто сдвинул створку?

— Я, когда понял, что она не откроется. Но сначала пришлось отпустить верёвку. Потому и полотно наверху дёрнулось.

Он произнёс это с таким стыдом, будто признался в намеренном обмане. Аглая вспомнила, как зал смеялся второй раз, когда над головами артистов качнулась нарисованная ветка. Тогда ей казалось, что Илья испугался и ошибся. Теперь она видела последовательность: один человек получил несовместимые поручения, другой ждал сигнала, которого никто не подавал, а третью, стоявшую за дверью, сделали виновницей общей заминки.

— Ты рассказал об этом Кузнецову?

— Он сказал, что зрителю всё равно, отчего дверь не открылась. Зритель платил за спектакль, а не за объяснение.

— Это он сказал тебе сегодня?

— Ночью. Когда велел снять щит.

Илья поправил верёвку на плече и ушёл. Аглая осталась одна. На полу рядом с дверью лежала короткая щепка. Она не стала брать её с собой. В театре и без того слишком любили вещественные доказательства, если ими можно было кого-нибудь пристыдить. Ей нужны были не щепки, а порядок действий, который каждый участник мог подтвердить.

Она спустилась в суфлёрскую раковину. Днём здесь было холоднее, чем за кулисами. Сверху свисала бахрома занавеса; когда сцена пустовала, она казалась не украшением, а тяжёлой пыльной сетью. На узкой полочке лежала её книга — экземпляр пьесы, исписанный пометками разных сезонов. Аглая всегда забирала его домой, но вчера после скандала забыла. Она раскрыла третье действие.

Возле реплики героя стояла её привычная красная черта. Под ней карандашом было выведено: «Дверь. Аккорд. Выход Анны». Так они играли во всех предыдущих городах. Но на полях, рядом с этим порядком, кто-то добавил серым карандашом: «Музыка после открытия». Буквы были тесные, словно их вписывали наспех. Получалось, что дирижёр должен был ждать двери, а дверь — музыкального сигнала, который обычно предупреждал актрису о выходе.

Аглая перечитала запись. Она не помнила, чтобы соглашалась на такую перемену. На вчерашней дневной репетиции никто не объявлял её вслух. Возможно, дирижёру дали другое указание. Возможно, кто-то исправил книгу уже после спектакля. Ни того, ни другого пока нельзя было утверждать.

Она открыла соседнюю страницу. Там тоже стояла серая пометка, но почерк был иной: широкие округлые буквы Варвары, которая просила оставить ей дополнительную паузу перед выходом в следующей сцене. Аглая хорошо знала этот почерк. Указание о музыке писала не Варвара.

Из зрительного зала послышались шаги. На сцену поднялся Фёдор Никанорович Кузнецов, антрепренёр и человек, который любил говорить, что театр держится на точности. Он шёл медленно, придерживая рукой жилет. На пустой сцене его шаги отдавались неожиданно громко.

— Аглая Ивановна, — сказал он, увидев её голову над краем раковины. — Вы уже на службе? Похвально. Значит, начнём сегодня без вчерашних промедлений.

Она поднялась, держа книгу раскрытой на третьем действии.

— Я пришла из-за афиши.

Кузнецов остановился. Лицо у него осталось спокойным, но рука перестала поправлять жилет.

— Афиши печатают в типографии. Если буквы криво стоят, обращаться следует туда.

— Буквы стоят ровно. Не напечатано имя Рудневой.

— На сегодняшний вечер состав ещё уточняется.

— Тогда почему напечатаны все остальные?

Он посмотрел на неё так, как смотрят на человека, нарушившего негласное правило не задавать вопроса при посторонних. Но посторонних не было. За дверью сцены кто-то стучал молотком, а в зале ещё не подняли чехлы с кресел.

— Вчерашняя неудача обошлась мне дорого, — сказал Кузнецов. — Возвраты билетов, недовольные подписчики, разговоры у кассы. Мне нужно думать о труппе целиком.

— Я тоже думаю о труппе. Поэтому хочу знать, почему Руднева отвечает за дверь, которая не открылась.

Кузнецов перевёл взгляд на книгу в её руках.

— Не надо начинать разбирательство с чужих слов.

— Это не чужие слова. Я была в раковине. Вот моя пометка о выходе. А рядом появилась другая, о которой мне никто не сообщил.

Он не подошёл к книге. Только спросил:

— Вы хотите сказать, что кто-то нарочно испортил представление?

— Нет. Я хочу сказать, что у нас два несовместимых указания. Если мы не выясним, какое из них действовало, следующая актриса окажется в той же двери и перед тем же залом.

Впервые за утро Аглая почувствовала, что говорит не ради одной фамилии. Она говорила ради работы, которую привыкли считать незаметной. Суфлёр, машинист, оркестрант, костю-

мер — каждый видел маленькую часть спектакля, и именно поэтому общую ошибку было удобно приписать тому, кого зритель мог узнать в лицо.

Кузнецов долго молчал. Потом произнёс:

— До полудня никому не показывайте эту книгу. Мы поговорим в кабинете, когда придёт режиссёр.

— Я приду, — ответила Аглая. — Но книгу оставлю у себя.

Он хотел возразить, однако из коридора позвали его к кассиру. Кузнецов коротко кивнул и ушёл. Аглая дождалась, пока затихнут шаги, закрыла экземпляр пьесы и прижала его к груди.

До полудня оставалось почти два часа. Аглая могла бы уйти в чайную, заказать стакан кипятка и ждать, пока антрепренёр соизволит позвать её к себе. Вместо этого она поднялась в костюмерную, где горничная развешивала на спинках стульев тяжёлые платья. Между зеркалом и ширмой стоял дорожный сундук Рудневой. Его крышка была открыта, а поверх аккуратно сложенных вещей лежала пара старых театральных башмаков.

Елизавета Петровна сидела у окна и распутывала шнурок на корсете. Без грима она казалась не моложе своих лет, но и не слабее: у неё были крепкие руки человека, который привык самостоятельно перетаскивать багаж с одной сцены на другую. Услышав шаги, она не обернулась.

— Если пришли утешать, не стоит, — сказала она. — Я ещё не умерла, а роль Анны не завещана мне навечно.

— Я пришла показать вам, что напечатали утром.

Аглая положила газету на столик, но афишу не принесла. Ей не хотелось делать из чужого унижения зрелище даже для той, кого оно касалось. Руднева прочитала заметку и провела пальцем по строке, где говорилось о её неудачной паузе.

— Критик сидел в шестом ряду, — сказала она. — Из шестого ряда дверь выглядела закрытой, потому что я не решалась войти. Я сама подумала бы то же самое.

— Дверь заклинило. Илья подтвердил.

— Знаю. Он потом извинялся так долго, что мне пришлось попросить его принести воды. Иначе он до утра стоял бы у моей уборной.

Руднева отложила газету. Ни возмущения, ни слёз Аглая не увидела. Только усталость, которую вчера скрывал толстый слой белил.

— Кузнецов не напечатал вашего имени, — сказала она.

— Видела из окна, как клеили новый лист. Меня не предупредили. Это даже удобно: теперь я могу собирать вещи, не отвечая на вопросы.

— Вы собираетесь уехать?

— У меня осталось денег на три ночи в меблированных комнатах. Если сегодня не играю, жалованья за вечер не получу. А поезд до следующего города идёт послезавтра. Так что я пока собираюсь не уезжать, а считать.

Она достала из сундука маленькую тетрадь. На первой странице были записаны даты выступлений и суммы, выданные авансом. Аглая невольно отвернулась: такие подсчёты в труппе считались личным делом. Руднева сама придвинула тетрадь ближе.

— Не надо делать вид, будто искусство живёт отдельно от квартирной платы. Если меня заменят, я не стану обвинять Варю. Но пусть скажут прямо, что решили заменить. Не надо прятать это за типографским пробелом.

— Я хочу проверить вчерашний порядок выходов, — сказала Аглая. — В моей книге появилась пометка, которой не было на репетиции.

Руднева выпрямилась. Теперь в её лице появилось внимание актрисы, которой дали неожиданный текст.

— Музыка после двери?

— Вы знали?

— Дирижёр вчера спросил, почему я вышла без аккорда. Я ответила, что не могла выйти через запертую дверь. Он сказал, что аккорд должен был прозвучать после того, как её откроют. Я решила, что он сердится, и не стала спорить.

— Значит, он получил другое указание.

— Или понял его иначе. Вы, Аглая Ивановна, всегда слишком точно различаете слова.

— В этом моя служба.

Руднева улыбнулась. Потом закрыла сундук, но не защёлкнула замки.

— Если вы хотите помочь, не просите Кузнецова пожалеть меня. Жалость он умеет превращать в долг. Пусть при всех проверят дверь, музыку и реплику. Если я действительно опоздала — скажите мне. Если не опоздала, я хочу знать, кто будет отвечать за следующий спектакль.

Аглая вышла из уборной с неожиданным облегчением. Она боялась встретить оскорблённую женщину, которую придётся уговаривать не уходить. Вместо этого получила ясное условие. Проверка должна быть общей и открытой для тех, кто работает на сцене, а не только для начальства.

В коридоре её догнал Илья. Он нёс небольшой деревянный брусок и явно собирался спрятать его под куртку.

— Это тот самый упор? — спросила Аглая.

— Старший велел выбросить. Сказал, всё равно новый делать.

— Не выбрасывай до разговора с режиссёром. Положи в мастерскую и подпиши, где стоял.

Илья недоверчиво посмотрел на неё.

— На деревяшке подписать?

— На бумажке. Чтобы через час никто не спорил, какой именно упор сняли.

Он кивнул и ушёл, крепко прижимая брусок к боку. Аглая подумала, что у них в труппе множество привычек, которым никто не давал названий. Актёры помнили выходы, рабочие — положение верёвок, музыканты — паузы. Пока всё шло хорошо, эта память заменяла любые записи. Но стоило одной детали измениться, и каждый начинал защищать свою правду, не зная, что сосед по сцене получил другую.

Из зала донёсся звук расстраиваемого пианино. Пожилой аккомпаниатор пробовал клавиши по одной, останавливаясь на тех, что отвечали слишком глухо. Аглая подошла к открытому проходу и попросила его сыграть тот самый аккорд третьего действия. Он сыграл, не спрашивая зачем. Звук оказался коротким и решительным; под него действительно можно было открыть дверь, даже если стоящий за ней человек не видел дирижёра.

— А теперь после того, как я постучу, — сказала Аглая.

Она трижды коснулась костяшками пальцев деревянного поручня. Аккомпаниатор выдержал паузу и повторил аккорд. Теперь дверь, если бы она стояла на месте, пришлось бы открывать в тишине. Аглая услышала разницу лучше, чем когда читала две карандашные пометки.

— На репетиции играли как в первый раз? — спросила она.

— Как в первый. Вчера вечером дирижёр велел иначе. Не знаю, откуда распоряжение.

— Вы могли бы это повторить при режиссёре?

Аккомпаниатор снял очки и тщательно протёр их платком.

— Если меня спросят о музыке — повторю. О том, кто виноват, спрашивать бесполезно. Я отвечаю за клавиши.

— Именно это мне и нужно.

Он снова коснулся инструмента. Аглая вышла в коридор, чувствуя, как у неё постепенно складывается не обвинение, а последовательность вопросов. В ней не было места догадке о

злодее, который нарочно испортил вечер. Были конкретные люди, разные указания и один зрительный зал, которому досталась их общая ошибка.

Вчера она дважды подсказывала актёру одну и ту же реплику, уверенная, что это её обязанность. Сегодня ей предстояло сделать то, чего в суфлёрской книге не было: заставить людей за сценой услышать друг друга прежде, чем они снова откроют занавес.

В контору антрепризы Аглая вошла не сразу. Перед дверью стояла лавка, на которой рабочие оставляли ящики с гвоздями, и оттуда слышался разговор об утренней афише. Кто-то говорил, что Руднева нарочно задержала выход, чтобы показать Кузнецову свою незаменимость. Другой отвечал, что актриса вообще не видела двери: её держали закрытой за кулисами. Аглая не стала разнимать спор. Она понимала, как легко рассказ без свидетелей получает новые подробности, когда людям скучно ждать распоряжений.

В конторе пахло сырым картоном и табачным дымом. За столом сидел распорядитель гастролей Семён Григорьевич, сухой человек с внимательными глазами. Он записывал в толстую книгу расходы на перевозку декораций. Перед ним лежали квитанции от извозчиков, счета за аренду зала и несколько записок от поставщиков. На гвоздик возле дверной рамы была надета полоса бумаги с расписанием репетиций. Последняя строка заканчивалась словами «проверить выход Анны», но рядом стояла свежая пометка карандашом: «Отменить. Время занято».

— Мне нужна вчерашняя книга распоряжений по сцене, — сказала Аглая.

Семён Григорьевич не поднял головы.

— У режиссёра.

— Режиссёр пока занят, а новую запись о двери, насколько мне известно, принесли из конторы.

Распорядитель положил перо на промокательную бумагу.

— А что суфлёрше до распоряжений о дверях? У вас книга с репликами. Вот за реплики и отвечайте.

— Если дверь не открылась, артистка не могла произнести следующую реплику. Я дала подсказку человеку, которого зрители уже не слышали из-за шума. Мне нужно знать, кто и когда изменил порядок выхода.

Он посмотрел на неё поверх очков. На несколько мгновений стало слышно, как за стеной стучат молотком. Семён Григорьевич явно решал, следует ли отвечать ей как служащей труппы или как человеку, который вторгается в чужое дело.

— Книга там, в шкафу, — сказал он наконец. — Но вы ничего не выносите без моей отметки.

Аглая согласилась. Он открыл низкий шкаф и достал потрёпанную тетрадь, где распоряжения записывали по дням. Некоторые строки были написаны чернилами, другие — карандашом. На вчерашней странице она увидела указание заменить нижний упор дверного щита, поскольку створка задевала нарисованную пристань. Следом шла короткая строка: «Пробный ход после установки». Напротив неё не стояло подписи того, кто должен был проверить механизм.

— Вот, — сказала Аглая. — Проверку назначили, но кто её делал?

— Если актёры не жаловались, значит, всё было исправно.

— Руднева стояла за дверью до своего выхода. Ей не с чем было сравнивать. А Илья поставил упор и просил проверить ход.

Распорядитель потёр переносицу.

— Илья должен слушаться старшего. Не дело младшего рабочего учить начальство.

— Я не прошу учить начальство. Я спрашиваю, почему поручение выполнить пробный ход осталось без исполнителя.

Он не ответил. Аглая заметила ещё одну запись: «Музыку перенести на открывание двери». Строка была сделана другими чернилами, более тёмными, и не имела даты. Это могло означать, что указание добавили в тот же день другим пером. Но могло означать и совсем другое: тетрадью пользовались несколько людей. Без свидетеля нельзя было решить по цвету чернил, кто и когда написал распоряжение.

— Кто внёс это? — спросила она.

Семён Григорьевич наклонился к строке. Он признал почерк помощника режиссёра, но сказал, что тот обычно записывает устные указания других. Аглая попросила назвать человека, который передал ему новый порядок. Распорядитель раздражённо закрыл тетрадь.

— Вы ищете виновника. А у нас завтра представление, которое надо спасать. Кузнецов уже думает, как вернуть публику в зал, и ни одна записка денег ему не принесёт.

— Публика купила билеты на Рудневу, — сказала Аглая. — Сегодня её имени нет на афише, а никто даже не объяснил, назначена ли другая актриса. Записка сама по себе действительно денег не принесёт. Но без неё мы повторим вчерашнее, и люди заплатят за ту же остановившуюся дверь.

Семён Григорьевич отвёл взгляд к оконной раме. За стеклом на улице рабочий разглаживал новую афишу. Пустое место рядом с названием главной роли казалось на бумаге почти аккуратным; только тот, кто видел вчерашний спектакль, понимал, насколько оно громкое.

— Я не могу разрешить вам общую проверку, — сказал распорядитель. — Это решает режиссёр. Но вы можете переписать строки о двери и музыке. Я поставлю отметку, что сверял с тетрадью. Только не называйте это доказательством чьего-то умысла.

Аглая поблагодарила его. Она получила меньше, чем хотела, но больше, чем могла ожидать после первых слов. На отдельном листе записала распоряжения без исправлений и сокращений. Семён Григорьевич сверил каждое слово, поставил дату и подпись. Аглая оставила оригинальную книгу в шкафу. Ей не хотелось, чтобы позднее кто-нибудь сказал, будто суфлёрша унесла единственную запись и переписала историю в свою пользу.

В коридоре её ждал Илья. Он держал брусок, снятый с дверного щита, и не знал, куда его положить. Старший машинист сцены велел немедленно очистить площадку, а кладовщик отказывался принимать деталь без записки. Аглая предложила отнести её к режиссёру вместе с её собственным перечнем распоряжений. Илья испугался. Для рабочего, нанятого только на время гастролей, разговор с режиссёром мог закончиться не благодарностью, а потерей места.

— Вы можете сказать, что упор делал я, — произнёс он. — Только не надо говорить, будто я сам придумал его поставить.

— Я не стану говорить за тебя, — ответила Аглая. — Покажешь то, что делал, и объяснишь, кто поручил. Если не хочешь идти, я отмечу только то, что видела сама и что записано в книге.

Илья помедлил и всё-таки пошёл с ней. На площадке возле сцены рабочие меняли полотно задника. Один из них крикнул, что за дверью никогда не следили так тщательно, пока она не понадобилась актрисе, потерявшей место. Илья опустил глаза. Аглая не вступила в ссору. Она попросила его положить брусок на верстак и показать, куда именно был прибит упор.

Под нижней кромкой дверного щита оставался светлый след от недавно снятого дерева. Аглая измерила расстояние ладонью, затем попросила Илью показать движение створки без упора. Она открылась свободно. Когда он приложил брусок к прежнему месту, нижний угол снова остановился раньше, чем дверь могла пройти полный ход. Это не доказывало, что во время спектакля механизм заклинило только из-за него: ещё существовали изменения в сигнале оркестра и распоряжения рабочим. Зато показывало, почему актриса за дверью могла ждать напрасно, даже если готовилась выйти вовремя.

Режиссёр появился из зала в тот момент, когда Илья держал створку на весу. Это был усталый мужчина с неподвижным лицом, который привык слышать о каждой поломке только после того, как она мешала представлению. Он потребовал объяснить, почему рабочий не занят сменой декораций. Аглая передала ему лист с двумя распоряжениями и сказала, что просит не суда над Ильёй, а проверки порядка выхода третьего действия.

Режиссёр пробежал строки глазами.

— Музыка после двери? Я давал команду открыть на аккорде.

— На репетиции играли на аккорде, — сказала Аглая. — Но в книге распоряжений записано иначе. Пианист подтверждает, что дирижёр перед спектаклем велел ждать открытия. Руднева ждала за створкой и не видела оркестра.

— Кто изменил музыку?

— Я хочу, чтобы это выяснили при тех, кто получал указания. Если спросить каждого отдельно, опять появятся три несовместимые версии.

Режиссёр повернулся к Илье. Тот рассказал об упоре и о том, что одновременно должен был держать задник и следить за дверью. На словах «старший велел не отходить» голос его стал тише. Режиссёр не стал заставлять его повторять признание при всех рабочих. Велел убрать брусок в мастерскую до проверки и попросил Аглаю принести суфлёрский экземпляр.

— Сегодня после обеда соберём тех, кто стоял у двери и оркестра, — сказал он. — Но обещать, что Кузнецов разрешит Рудневой вернуться, не могу. Он уже распорядился печатать афиши без её имени.

Аглая знала. Она видела пустое место под навесом ещё утром. Но услышать приказ из уст режиссёра было тяжелее, чем найти типографский пробел. Это означало, что изменение состава труппы могло стать фактом до проверки причины провала.

— Пусть он хотя бы узнает, что произошло на сцене, прежде чем решать о следующем спектакле, — сказала она.

Режиссёр посмотрел на записанный порядок сигналов и медленно кивнул.

— Принесите книгу. И передайте Рудневой, что её присутствие нужно на разборе. Я не собираюсь решать за её спиной, опоздала ли она к двери, которую не могла открыть.

Когда Аглая вышла из зала, Илья всё ещё стоял у верстака. Он спросил, уволят ли его. Она не знала ответа и не стала обещать, что всё обойдётся. Сказала только, что режиссёр назначил проверку и что теперь хотя бы несколько фактов будут обсуждать при свидетелях, а не в коридоре после спектакля. Илья убрал брусок в ящик и прикрепил к нему бумагу с номером сцены. Для человека, который привык чинить декорации и исчезать за ними, это был необычный поступок: оставить не только исправленную вещь, но и запись о том, почему её меняли.

Аглая направилась к уборной Рудневой. За кулисами всё ещё говорили о вчерашнем смехе публики, о пустом месте на афише и о том, кого антрепренёр выведет вместо неё. Но теперь у Аглаи было назначенное время и имена людей, которым предстояло показать, что произошло. Она не нашла злодея, который нарочно испортил спектакль. Она нашла последовательность несовместимых приказов — и возможность хотя бы раз разобрать её вслух, пока она не стала привычной ложью.

Руднева выслушала Аглаю, не пригласив её сесть. В уборной было почти пусто: из костюмерного сундука торчал край шёлковой накидки, на столике остались пудреница и гребень, а у зеркала лежали два письма без конвертов. Актриса стояла в дорожном платье. Она уже собрала большую часть вещей и теперь казалась не примой, которую зрители вчера вызывали на поклон, а обычной женщиной, не знающей, хватит ли жалованья на следующий город.

— Значит, вы нашли распоряжение, — сказала она.

— Два распоряжения. Одно о дверном упоре, другое о переносе музыкального сигнала. Они не согласованы друг с другом. Режиссёр назначил проверку после обеда.

Руднева провела пальцем по краю стола.

— А Кузнецов знает?

— Режиссёр обещал сообщить.

— Тогда мы можем не успеть. Кузнецов решает быстро, когда речь идёт о чужом жалованье.

Аглая не нашла слов, которые прозвучали бы утешительно и при этом не были бы пустыми. Она только показала актрисе копию распоряжений с отметкой распорядителя. Руднева прочла внимательно, остановившись на словах «музыка после двери». Потом вынула из сундука сложенный лист, на котором был расписан её выход в третьем действии. Она хранила его с прошлого города. Возле того же места стояло: «аккорд — открыть — выйти».

— На генеральной репетиции здесь играли так же, — сказала она. — Я знаю пьесу и могу выдержать паузу. Но нельзя выдержать паузу, которую никто не начинает. За дверью нет глаз на оркестр. Вчера я ждала знак, а сама дверь не поддалась.

Аглая попросила разрешения показать лист режиссёру. Руднева согласилась, но поставила условие: ей вернут оригинал, а в общей проверке будут слышать не только начальство. Если разговор снова сведётся к тому, кто виноват в смехе зала, актриса участвовать не станет. Ей нужен ответ о порядке работы и о том, будет ли она объявлена в следующем спектакле.

— Я не стану просить вас играть вместо Варвары или Варвару вместо вас, — сказала Аглая. — Но без ясного состава нельзя даже начать репетицию.

Руднева улыбнулась устало.

— Вы суфлёрша, Аглая Ивановна. Вы должны знать, какую роль кто говорит. Странно, что приходится напоминать об этом антрепренёру.

Они вышли вместе. У бокового входа стояла Варвара Юдина с коробкой шпилек, которые костюмер велел отнести в мастерскую. Увидев Рудневу, она остановилась. Между ними возникла неловкость, которую Аглая почти физически почувствовала: одна женщина рисковала потерять место, другая — получить его так, будто воспользовалась чужой бедой.

— Елизавета Петровна, — сказала Варвара, — мне пока ничего не предлагали подписать. Если предложат, я сначала спрошу, что с третьим действием.

Руднева посмотрела на неё без привычной сценической строгости.

— Если предложат, спрашивайте прежде всего, сколько вам заплатят и что будете играть. Отказываться из вежливости не нужно. А вот соглашаться на неизвестные условия опасно.

Варвара поблагодарила. Аглая заметила, что ей было важно услышать эти слова от самой Рудневой, а не от суфлёрши, которая всё утро ходила между ними с чужими поручениями. В коридоре за их спинами кто-то рассмеялся, услышав имя вчерашней неудачницы. Руднева не обернулась. Она поправила манжет и пошла в зал, где обычно никто не видел её до начала репетиции.

Режиссёр ждал у первого ряда. Перед ним лежала суфлёрская книга Аглаи, копия конторских распоряжений и небольшой деревянный упор. Он успел пригласить аккомпаниатора, помощника машиниста сцены и одного рабочего, который вёл задник. Старший машинист не пришёл, сославшись на срочную починку кулисы. Режиссёр не стал начинать без него: если разбирать противоречивые команды, отсутствие человека, отдававшего часть из них, сделает проверку бесполезной.

— Мы соберёмся завтра утром, — сказал он. — Сегодня мне надо согласовать это с Кузнецовым. Он уже обещал владельцу зала исправленный спектакль, а я не хочу показывать поломку публике вместо пьесы.

Руднева стояла у края сцены. Она не потребовала немедленно вернуть её имя на афишу. Спросила только, действительно ли до проверки решено считать вчерашний выход её ошибкой.

— Я такого не говорил, — ответил режиссёр.

— Но на новом листе моего имени нет. Для публики это куда громче любых ваших слов.

Он посмотрел в сторону конторы. Ему было неловко признавать, что решение о составе появилось раньше, чем причина неудачи стала ясной. Но он не мог приказать антрепренёру изменить афишу без разговора о деньгах и будущих представлениях.

— Я поговорю с Кузнецовым, — произнёс он. — И попрошу, чтобы до проверки он не называл вас виновницей.

— Не просите за меня милости, — сказала Руднева. — Попросите не делать вывод прежде, чем все покажут, какой сигнал получили.

Аглая запомнила эту фразу. В ней было больше профессионального достоинства, чем в любой защите таланта, с которой обычно начинали газетные статьи о примах. Руднева хотела, чтобы ей называли работу и условия работы прямо. И чтобы ошибка декорации не превращалась в приговор человеку, которого зритель видел последним.

В дверях появился Кузнецов. Его узнали по тяжёлой трости, которой он стучал о деревянный пол прежде, чем войти в помещение. Он не любил, когда люди собирались группой без его ведома: в труппе такое собрание редко означало что-то приятное. Антрепренёр оглядел присутствующих и сразу заметил снятый упор на столе.

— Что за сходка? — спросил он.

Режиссёр объяснил, что завтра утром намерен проверить провалившийся выход с участием артистки, музыкантов и рабочих сцены. Кузнецов посмотрел на Рудневу, затем на Аглаю.

— А вы с какого времени решаете, кому и когда репетировать? — обратился он к суфлёрше.

— Я не назначаю состав, — ответила Аглая. — Но в моей книге два несовместимых указания об одном выходе. Режиссёр попросил собрать документы, чтобы люди могли восстановить порядок. Если его не проверят, мы можем повторить остановку и с другой исполнительницей.

Кузнецов хмыкнул. Он достал из кармана смятую ведомость выручки и положил на спинку кресла.

— Вчера публика смеялась посреди серьёзного действия. Сегодня газетчики уже спрашивают, не закроется ли труппа. А вы предлагаете мне тратить время на брусок и карандашные каракули.

— Мы предлагаем проверить, что именно мешало выходу, — сказал режиссёр. — Иначе завтра зрители могут получить ту же сцену, только с другой фамилией на афише.

Антрепренёр поднял ведомость, словно хотел снова спрятать её. Потом спросил, кто будет оплачивать лишний день репетиций. На этот вопрос никто не ответил сразу. Он действительно владел суммами, которых остальные не видели: аренда зала, костюмы, оплата оркестра, перевозка полотен, жалованье артистов. Но отсутствие денег не делало дверной упор исправным и не отменяло слов, которые рабочие слышали от разных начальников.

— Проверку проведём до завтрашнего полудня, — сказал наконец режиссёр. — Без публики и без отдельной оплаты оркестру, если музыканты согласны прийти в обычное репетиционное время. После неё решите, кого объявлять и что писать на новой афише.

Кузнецов посмотрел на аккомпаниатора. Тот не стал обещать за весь оркестр, но согласился явиться лично и повторить оба музыкальных сигнала. Илья сообщил, что приведёт старшего машиниста и покажет, где стоял упор. Аглая предложила вести запись последовательности, чтобы после проверки не пришлось восстанавливать разговор по слухам. Руднева сказала, что будет присутствовать, если её не заставят изображать виновницу заранее.

Антрепренёр долго молчал. Аглая видела, что он хочет отказать, не вступая в подробности. В конце концов Кузнецов ударил тростью по полу один раз, не сильно.

— Хорошо. Один раз, — сказал он. — Завтра. Но до того никто не обещает Рудневой роль и не объявляет Варвару новой примой. Я не желаю ещё одной афиши, которую придётся исправлять ночью.

Руднева чуть подняла голову. Это не было возвращением на сцену. Но хотя бы её отсутствие перестало выдаваться за уже окончательно принятое решение. Варвара, стоявшая у дверей, выдохнула так тихо, что услышала только Аглая.

Когда люди разошлись, Аглая осталась с режиссёром. Она попросила разрешения переписать точный порядок завтрашней проверки в рабочую книгу, которую никто не будет менять по памяти после начала разговора. Режиссёр продиктовал: сначала дверь без музыки, затем дверь с прежним аккордом, потом вариант с переставленным сигналом. Каждый, кто получал распоряжение, должен будет сказать, что именно услышал и от кого. Если проверка покажет новую неисправность, её запишут отдельно, не подменяя вчерашний факт.

Аглая внесла три строки и показала ему. Режиссёр подписал страницу. Впервые за утро она почувствовала не удовлетворение, а осторожное ожидание: завтра можно будет узнать, в какой момент общий спектакль рассыпался на чужие несовместимые обязанности. Ответ ещё не существовал, и торопиться с ним было бы несправедливо.

У выхода в театр стояла новая афиша. Она уже подсохла, и клей больше не проступал сквозь бумагу. Пустое место возле главной роли никуда не исчезло. Аглая задержалась перед листом и заметила, что проходящие люди действительно смотрят прежде всего на этот пробел. Кто-то пожимал плечами, кто-то шептался. Никому не было видно, сколько труда потребовалось, чтобы хотя бы назначить проверку одной сорванной сцены.

Аглая пошла домой через мокрую площадь. Завтра ей предстояло сесть в суфлёрскую раковину без зрителей и снова услышать ту реплику, после которой всё остановилось. Теперь она знала, кто держал дверь, кто ждал музыки и кто отдавал распоряжения на бумаге. Но лишь при общей проверке можно будет установить, в каком месте каждый из них остался один со своим правильным указанием. И если эта проверка состоится, у Рудневой и Варвары впервые появится шанс говорить о ролях не как о награде и наказании, а как о настоящей работе.

Глава 2. Пять минут тишины

К девяти часам зал ещё пах влажным сукном. Рабочие подняли кулисы, но не открывали большой занавес: режиссёр велел оставить сцену в том состоянии, в каком её можно проверить без публики. На край рампы поставили два стула для музыкантов, возле двери третьего действия лежал упор с бумажной биркой, а в суфлёрской раковине Аглая раскрыла свой экземпляр пьесы. Она привыкла видеть отсюда ноги артистов и нижний край декораций. Сегодня ей разрешили встать на сцену и посмотреть, как одно и то же движение выглядело для людей по разные стороны двери.

Руднева пришла в сером платье без сценических украшений. Она не считала репетицию спектаклем и отказалась наряжаться ради чужого разбирательства. Варвара стояла у бокового прохода с тонкой тетрадью, куда выписывала трудные реплики Анны. Ей пока не дали официального распоряжения о замене, но утром костюмер уже спросил, надо ли подгонять платье Рудневой под её рост. Варвара ответила, что об этом следует спрашивать после проверки.

Режиссёр собрал всех возле дверного щита. Среди них были старший машинист сцены Пётр Лукич, молодой Илья, аккомпаниатор, дирижёр и актёр, который вчера стоял по другую сторону декорации. Каждый получил одно условие: объяснять только собственные действия и распоряжения, которые действительно слышал. Никого не просили заранее назвать виновного. Аглая записала имена по порядку, оставив место для замечаний.

— Начнём с того, что было на генеральной репетиции, — сказал режиссёр. — Не с вчерашнего скандала. Покажите привычный выход.

Илья закрепил дверь без нового упора. Старший машинист проверил ход створки. Актёр произнёс предшествующую реплику, Аглая подала тихий суфлёрский знак, аккомпаниатор сыграл аккорд. Створка открылась. Руднева вошла с той уверенностью, которую привыкли видеть в последнем действии: не торопясь, будто музыка сама освободила ей дорогу. Всё заняло несколько секунд.

— Так мы играли в Самаре, — сказала она, когда остановилась у рампы. — И здесь на генеральной тоже.

Дирижёр кивнул, но не сразу. Он сверил нотную тетрадь с копией распоряжения, лежавшей у Аглаи.

— После генеральной Кузнецов жаловался, что актриса слишком долго стоит за дверью и зал начинает шуметь, — сказал он. — Я получил указание перенести аккорд после открывания, чтобы музыка подчёркивала сам выход.

— От кого получили? — спросил режиссёр.

— От помощника. Он сказал, что это ваше пожелание.

Помощник режиссёра, молодой человек с бледным лицом, шагнул вперёд.

— Мне передали распоряжение из конторы. Там говорили, что сцена идёт медленно. Я решил, что изменение согласовано с вами, потому что записка была на общем листе.

Аглая подняла тот самый лист. На нём действительно стояло «музыку после двери», но не было имени того, кто предложил изменение. Оно могло казаться мелочью для людей, не видевших сцены. Здесь же отсутствие одного указания превращалось в спор о том, кто должен подать первый сигнал.

— А открывать дверь по какому знаку? — спросила Аглая.

Пётр Лукич ответил, что рабочие привыкли ждать аккорда: его хорошо слышно даже за задником. Если музыку перенести, надо назначить другой сигнал, потому что реплику актёра у двери слышно плохо. Помощник режиссёра сказал, что предполагал сохранить прежний стук Аглаи по поручню. Но Аглая никогда не получала такого распоряжения. Её обязанностью было вовремя подсказать реплику, а не отдавать сигналы машинисту сцены.

— Вы не могли стукнуть? — спросил Кузнецов, вошедший незаметно с заднего прохода.

Аглая обернулась.

— Могла бы, если бы знала, что люди ждут этого от меня. Но вчера я стучала только тогда, когда актёр уже забыл текст. Это не было частью установленного выхода.

Антрепренёр снял шляпу и сел в первом ряду. Он принёс с собой ведомость утренней продажи билетов. Бумага торчала из внутреннего кармана, и он несколько раз машинально прижимал её ладонью. Аглая заметила это, но не стала спрашивать о деньгах посреди технической проверки. Они и без того рисковали потерять внимание к фактам, если заговорят о чужих заработках раньше времени.

Режиссёр попросил повторить вчерашний вариант. Пётр Лукич закрепил новый упор, Илья занял место у верёвки задника, Руднева ушла за дверь. Актёр произнёс реплику. Музыкант молчал, ожидая открытия створки. Пётр Лукич смотрел на Илью: тот должен был подвинуть декорацию и дать ход двери, но обе руки держали натянутую верёвку. Илья попробовал отпустить одну, створка сдвинулась и упёрлась в брусок. Прошло несколько тягостных секунд. Руднева постучала изнутри. Оркестр по-прежнему не вступал.

— Стоп, — сказал режиссёр.

Он не повысил голоса, но все выдохнули одновременно. Вчера эти секунды казались вечностью перед залом, где несколько сотен зрителей начинали смеяться. Сегодня, без публики, стало видно, что никто не ждёт шутки и не пытается нарочно сорвать сцену. Каждый выполнял распоряжение, которое получил, и именно поэтому общая работа остановилась.

— Открывайте дверь, — попросил режиссёр.

Илья приложил усилие, затем остановился: нижний угол всё ещё упирался в брусок. Он показал, что для полной свободы хода нужно снять упор или изменить крепление. Пётр Лукич попросил разрешения вернуться к прежнему механизму, но режиссёр не разрешил исправлять декорацию до окончания проверки. Иначе нельзя будет показать, что именно произошло. Рабочие перестали двигать щит, а Аглая поставила возле записи пометку о физическом ограничении двери.

Кузнецов поднялся с места.

— Теперь довольны? Дверь заедала. Почините её и будем играть. Два часа потеряли ради того, что плотник увидел бы за минуту.

— Дверь заедала, — согласился режиссёр. — Но если бы музыка вступила как раньше, у рабочих был бы ясный сигнал. При этом сама створка всё равно не открылась бы до конца. Нам надо исправить и механизм, и порядок подачи знака.

Руднева вышла из-за декорации и остановилась рядом с Варварой. Та протянула ей платок, испачканный мелом от стены. Актриса взяла его, не обращая внимания на пятна.

— Мне вчера говорили, что я запоздала на выход, — произнесла Руднева. — Покажите теперь, в какой момент я могла выйти раньше.

Никто не ответил. Актёр, стоявший перед дверью, сказал, что слышал её шаги и лёгкий стук с обратной стороны, но думал, будто это часть сценического ожидания. Дирижёр признал, что воспринял тишину как задержку рабочего сигнала. Пётр Лукич сказал, что не хотел открывать створку прежде аккорда, чтобы не спутать людей на площадке. Илья же боялся отпустить задник: ему приказали держать его до конца сцены.

Аглая записала слова, не добавляя вывода о чьей-либо вине. Она видела, что сама тоже находилась внутри этой системы и не заметила противоречия, пока не начался шум зала. Но теперь они хотя бы могли указать момент, когда каждое распоряжение перестало совпадать с соседним.

Кузнецов посмотрел на Рудневу.

— Вам не обязательно уходить, Елизавета Петровна. Мы найдём для вас другую роль в следующем городе. Но сегодняшний спектакль должен пройти без риска повторения.

— Я не просила другой роли, — ответила она. — И не требую непременно играть сегодня. Я спрашиваю, почему моё имя уже убрано из афиши, если никто ещё не решил, кто будет исполнять Анну и на каких условиях.

Антрепренёр хотел сказать что-то резкое, но режиссёр поднял руку. Он предложил закончить технический прогон, затем отдельно обсудить состав, жалованье и печать афиш. Перемешивать эти вопросы значило бы снова решить всё в коридоре, не услышав тех, кто будет работать на сцене.

Аглая закрыла книгу на чистой странице. Вчерашняя беда перестала казаться тайной, но никто ещё не исправил её по-настоящему. Дверь по-прежнему заедала, музыка могла прозвучать в разные моменты, а актрисы не знали, какой выход им готовить. Проверка позволила увидеть не одну злую волю, а несколько несовместимых распоряжений. Следующий шаг будет труднее: заставить людей, привыкших отвечать только за свой угол сцены, согласиться на общий порядок и принять последствия для тех, чьи фамилии печатают на афише.

Пётр Лукич не позволил сразу убрать брусок. Он попросил Илью принести с заднего двора узкую лестницу, а сам провёл ладонью по нижнему краю створки. На пальцах осталась светлая древесная пыль. За дверью, где стояла Руднева, пол был чуть выше, чем на площадке: старые доски вздулись после весеннего разлива, и плотник прошлой недели подбил под порог рейку. Теперь дверь задевала не только упор, но и эту рейку. Если распахнуть её силой, створка могла соскочить с нижнего крюка.

— Вчера она ещё держалась, — сказал машинист. — Сегодня от нажима уже пошла трещина. Давайте прежде всего условимся, чего мы не станем делать.

Он говорил не режиссёру, а всем, кто собрался возле декорации. Илья перестал натягивать верёвку. Дирижёр отложил ноты на подоконник. Руднева стояла с той стороны двери и слышала только половину слов; Аглая обошла щит и повторила ей предупреждение. Оказалось, что даже во время проверки они по привычке забывали о человеке, которого собирались вывести на сцену.

Режиссёр велел снять створку с крюков и положить на козлы. На сцене сразу образовался некрасивый прямоугольный проём. В глубине виднелись груды свёрнутого холста, корзины с париками и железный котёл для клея. Всё, что в спектакле казалось коридором богатого дома, обернулось тесным проходом между вещами, за которые кто-то отвечал своим заработком.

— Теперь повторим без двери, — сказал режиссёр. — Нам нужно отделить порядок выхода от неисправного дерева.

— Без двери каждый выйдет вовремя, — заметил Кузнецов с первого ряда. — Уберите и актёров, и музыка не опоздает.

Режиссёр не ответил. Он поставил Илью у верёвки, Петра Лукича возле пустого проёма и попросил Рудневу занять прежнее место. Аглая вернулась в раковину. В тетради у неё были два столбца: что человек должен услышать и что он услышал на самом деле. Между ними оставалось достаточно белой бумаги, чтобы вместить всю утреннюю ссору.

Актёр произнёс последние слова сцены. Аккомпаниатор не коснулся клавиш. Пётр Лукич ждал условленного знака; Илья держал задник. Руднева сделала шаг, но остановилась перед пустым проёмом.

— Что вы ждёте? — спросил Кузнецов.

— Разрешения войти, — ответила она. — Если сейчас я пройду, мы докажем только то, что умею ходить.

Варвара, стоявшая рядом с костюмершей, неожиданно рассмеялась. Не громко и не над Рудневой; скорее от того, что кто-то наконец назвал смешным самое устройство проверки. Руднева посмотрела на неё и едва заметно улыбнулась. Кузнецов отвернулся к окну.

— Пусть знак подаст помощник, — предложил режиссёр.

Помощник, вчера передавший записку о переносе музыки, подошёл к кулисе. Он хотел хлопнуть ладонью, но Пётр Лукич остановил его.

— Хлопок из зала не услышишь, когда оркестр играет. А если хлопать за кулисой, зрители услышат. Нам нужен знак, который не зависит от того, кто сегодня свободен от других дел.

Аглая вспомнила, как на прежних гастролях машинисты пользовались коротким звонком у боковой лестницы. Но здесь проволока от звонка шла через проход, где таскали декорации; на генеральной репетиции её сняли, чтобы никто не зацепился. Она не стала предлагать восстановить приспособление, пока не выяснит, кто за него отвечает.

— Можно дать знак словом, — сказала Варвара. — Предыдущий актёр говорит последнюю реплику, а она слышна у двери.

— Здесь слышна, — возразил Илья. — Вчера за задником её заглушил шум передвижения. Я даже не разобрал, кто говорит.

— Значит, слово должно доходить не до Ильи, а до человека, который свободен слушать, — сказала Руднева.

Пётр Лукич медленно повернул голову к помощнику режиссёра. Тот покраснел: свободным слушать его никто не назначал. Во время третьего действия он должен был одновременно следить за выходом статистов и передавать костюмерше, когда убрать плащ. Ещё одна обязанность, записанная только на словах, могла сделать из него нового виновника.

Режиссёр попросил всех вернуться на места и повторить опыт иначе. Помощник должен был находиться у суфлёрской раковины, принимать от Аглаи подтверждение, что реплика прозвучала, затем показывать Петру Лукичу поднятую белую карточку. Тот освобождал проход, после чего Илья отпускал верёвку и музыка вступала. На бумаге порядок выглядел длиннее, чем прежний аккорд, но впервые каждое действие имело своего исполнителя.

Аглая достала из кармана чистый обрывок репетиционной ведомости и оторвала квадрат. Карточка получилась слишком мала. Пётр Лукич не увидел её из-за стойки, и опыт пришлось остановить прежде, чем Руднева сделала шаг. Помощник возмутился, что рабочий не смотрит куда следует; Пётр Лукич молча подвёл его к стойке и предложил самому увидеть сцену оттуда.

Белый квадрат исчезал на фоне светлой кулисы. Аглая зачеркнула в тетради слово «карточка», но не стала объявлять весь способ негодным.

— Выбирайте знак не из того, что удобно придумать, а из того, что можно различить, — сказала она.

Илья принёс кусок красной ткани, оставшийся от старой декорации. Его прикрепили к короткой палочке. Помощник поднял её над головой, и Пётр Лукич увидел знак. Но на этот раз не смог отпустить проход: к ноге козел привязали верёвку, чтобы дверь не падала, и она пересекала место, куда следовало отступить Рудневой. Снова понадобилась остановка.

Кузнецов встал, вынул часы и щёлкнул крышкой.

— Четверть часа на тряпку и палку. У нас дневной сбор уже под угрозой.

— У нас под угрозой человек, которому вы предлагаете пройти между верёвками, — сказал Пётр Лукич.

Слова прозвучали резче, чем он, вероятно, собирался. В труппе рабочий редко возражал антрепренёру при артистах. Илья опустил голову, ожидая окрика. Но Кузнецов посмотрел на пустой дверной проём и впервые, кажется, представил себе не расходы на ремонт, а то, как актриса могла споткнуться перед залом. Он спрятал часы.

— Хорошо. Переставьте козлы. Только не делайте из этого ещё один день.

Козлы отнесли к стене. Руднева сняла с плеч шаль и передала её Варваре, чтобы свободнее двигаться. Во время следующего прогона помощник поднял красный знак, Пётр Лукич кивнул Илье, тот ослабил верёвку, и аккомпаниатор вступил после прохода. Всё удалось. Но Руднева остановилась в центре сцены, не договорив первой фразы.

— Я вышла, — сказала она. — А почему мне надо было так торопиться? По смыслу сцены Анна решается войти не сразу. Она слышит разговор и выбирает, когда показаться. Если вы лишите её паузы, зритель не поймёт, что она услышала.

Режиссёр поднялся из кресла. Он сам когда-то поставил эту паузу и теперь вспомнил, что приказ о сокращении родился из жалобы на слишком медленный вечер. Музыку передвинули, дверь начали открывать раньше, а никто не спросил, что произойдёт с самой сценой.

— Сколько длится пауза? — спросил он.

— Столько, сколько нужно, чтобы последнее слово дошло до неё, — ответила Руднева. — Иногда два удара сердца. Иногда три. Я смотрю на партнёра, а не на часы.

— Публика не обязана угадывать ваше сердце, — пробормотал Кузнецов.

— Но и спектакль нельзя измерить одной ведомостью, — сказала Варвара, всё ещё державшая чужую шаль.

После этих слов она сама испугалась. Варвара зависела от Кузнецова больше, чем Руднева: у неё не было известного имени и накопленных денег, только обещание нескольких небольших ролей. Аглая увидела, как девушка крепче сжала ткань, и не стала подбадривать её при всех. Поддержка, выставленная напоказ, могла обернуться для Варвары ещё одним испытанием.

Режиссёр предложил разделить два момента: знак о готовности прохода и музыкальное вступление. Красная палочка означала только то, что декорация освобождена. Руднева могла выдержать смысловую паузу и войти после реплики, а аккомпаниатор следовал за её движением. Для музыканта это было непривычно: он привык вести актрису, а не сопровождать. Он попросил повторить сцену дважды, чтобы увидеть плечо Рудневой в просвете.

Первый раз он вступил рано. Второй — вовремя, но Илья, засмотревшись на дирижёра, забыл придержать задник. Полотно качнулось, задело шляпу помощника и сбило её на пол. На этот раз смех прозвучал без злобы. Помощник поднял шляпу, отряхнул её и сам попросил записать, что рабочему нужен второй человек на перемене декораций. Илья удивлённо посмотрел на него: вчера тот называл любую задержку небрежностью машинистов.

— Вдвоём мы всегда делали это в Самаре, — тихо сказал Илья. — Здесь второго поставили таскать кресла, потому что не хватало рук.

Аглая записала и это. Теперь рядом с каждой удавшейся попыткой появлялось условие: свободный помощник, различимый знак, проход без верёвки, второй рабочий у задника. Стоило вычеркнуть хотя бы одно, и способ снова превращался в красивое объяснение того, почему всё непременно должно было получиться. Она провела черту под записью и оставила внизу место для подписей. Пока не было ни одной: проверка ещё не закончилась, и никто не знал, согласится ли антрепренёр оплачивать то, что они только что сочли необходимым.

Подписывать страницу никто не торопился. Режиссёр велел вынести из-за кулис узкий столик, на котором обычно раскладывали реквизитные письма, и положил перед собой Аглаину тетрадь. За окнами уже проходила полуденная конка, на улице кричали торговки, а здесь, в пустом зале, стояла тишина, какую не удалось устроить даже для вчерашнего выхода. Аглая слышала, как Пётр Лукич осторожно шевелит повреждённую петлю, проверяя, не высыплется ли из дерева ещё одна щепка.

— Что именно вы предлагаете нам подписать? — спросил дирижёр. — Что опыт удался? Он удался один раз из трёх.

— Вот это и подпишите, — сказал режиссёр. — Не успех, а условия, при которых выход возможен. И отдельно — то, чего мы сегодня не сумели обеспечить.

Кузнецов сдвинул брови. Ему хотелось получить короткую бумагу, с которой можно пойти к владельцу зала и доказать, что неприятность исчерпана. Вместо этого перед ним лежала страница с перечнем расходов и обязанностей. Он взял карандаш Аглаи, провёл им по слову «помощник» и спросил, зачем человеку, который открывает дверь, ещё один человек.

— Дверь открывает Пётр Лукич, — ответил Илья. — А я удерживаю задник. Когда задник идёт на перемену, одному нельзя одновременно стоять у верёвки и принимать щит.

— Вы же принимали его вчера.

— Не принял, — сказал Илья. — Потому и дверь осталась зажата.

Он говорил без вызова, глядя на край стола. Аглая заметила, что это простое признание подействовало сильнее любых объяснений. Вчера Илья не решился бы произнести его при антрепренёре: слова «не принял» легко превращались в «не справился». Теперь он мог указать, что обе работы требовали двух рук в одном и том же месте, а у него было только две руки, занятые одной работой.

Пётр Лукич поставил на стол старую петлю. Металл был цел, но винты выскочили из размокшей доски вместе с древесными волокнами.

— Если завтра просто ввернуть их обратно, к вечернему представлению дверь опять провиснет, — сказал он. — Надо вставить новый кусок дерева, закрепить крюк и проверить ход при закрытом заднике. За полчаса этого не сделаешь.

— Вы хотите сорвать дневной спектакль? — спросил Кузнецов.

— Я хочу, чтобы в нём никто не оказался под дверью.

Варвара, до сих пор стоявшая у края сцены, подошла к столику и положила на него шаль Рудневой. Она не участвовала в проверке как исполнительница: её ещё не утвердили, и все говорили о будущем выходе так, словно актрису можно будет выбрать в последний миг. Но в репетиционной тетради уже появилась отметка костюмера о переделке платья. Варвара видела её утром и теперь решила спросить при всех.

— Мне велели прийти к двум часам на примерку, — сказала она. — Если роли мне не дали, зачем переделывать чужой костюм?

Кузнецов поднял голову.

— Потому что театр должен быть готов ко всякой случайности. Вы молоды, у вас хорошая память. Разве это оскорбление?

— Нет. Но мне нужно знать, готовлю ли я Анну или свою прежнюю роль. У них в третьем действии выходы почти рядом. Если я буду учить одну и играть другую без репетиции, мы устроим новую путаницу.

Руднева слушала, опираясь ладонью о спинку стула. На словах о чужом костюме её лицо изменилось, однако она не перебила Варвару. Аглая ожидала, что разговор наконец сорвётся в спор о том, кому достанется роль, но Руднева спросила о другом:

— А кто велел портнихе распарывать платье? Она уже начала?

— Ещё нет, — ответила Варвара. — Она ждёт распоряжения.

— Тогда пусть ждёт и дальше. Платье сшито на деньги, удержанные из моего жалованья в прошлом городе. Если вы намерены передать его другой исполнительнице, сначала объясните, как собираетесь со мной рассчитаться.

Кузнецов отвернулся к залу. На пустых рядах лежали светлые полосы от окон, и казалось, что здесь расселись невидимые зрители, которым предстоит вынести суждение. Он не любил подобных разговоров перед рабочими. Финансовые вопросы, по его убеждению, полагалось решать в конторе, где ведомость находилась в его руках, а не на сцене, где каждый мог услышать цифры.

— Вы превращаете техническую проверку в собрание кредиторов, — произнёс он.

— Нет, — ответила Аглая. — Мы ещё не окончили техническую проверку. Но нельзя подписывать её результаты, не зная, кто будет выполнять следующий выход. У двух актрис разные привычки движения. Одну и ту же дверь придётся проверить с каждой, если вы оставляете обе возможности.

Режиссёр посмотрел на неё с раздражением, которое быстро сменилось вниманием. Он сам едва не упустил эту подробность. Руднева входила после паузы, лицом к партнёру, а Варвара на пробах поворачивалась сначала к оркестру. Если музыкант будет ждать плеча актрисы в просвете, оба варианта потребуют отдельного согласования.

— Хорошо, — сказал он. — Сделаем ещё два прохода без створки. Не играть сцену целиком, только её начало. И каждый раз обозначим, кто подаёт знак, а кто принимает.

Кузнецов хотел возразить, но Руднева уже направилась к проёму. Она остановилась перед снятой дверью, поправила воротник и дождалась реплики партнёра. Помощник поднял красную палочку. Пётр Лукич освободил проход. Руднева не двинулась сразу: она смотрела на человека, которому по ходу пьесы предстояло солгать. Пауза получилась короткой, но осмысленной. Когда она шагнула вперёд, аккомпаниатор вступил почти одновременно с её движением. Илья придержал задник; полотно не дрогнуло.

— А теперь Варвара, — сказал режиссёр.

Руднева отошла без слова. Варвара встала за проёмом, стиснув пальцы на корешке тетради. Партнёр произнёс ту же реплику. Красный знак поднялся. Варвара сделала шаг раньше, чем он успел опуститься, и оказалась на площадке в тот момент, когда аккомпаниатор ещё искал её взглядом. Музыка догнала движение с запозданием. Никто не засмеялся. Варвара сама остановилась и попросила повторить.

— Я не видела, что ждут от меня, — сказала она. — За щитом кажется, будто все давно готовы и задерживаешь только ты.

— Так вчера чувствовала себя и я, — ответила Руднева.

Слова были сказаны спокойно, без укора. Варвара кивнула и попросила Аглаю прочесть предшествующие строки медленнее. На втором проходе она выдержала паузу, но, выходя, задела краем юбки деревянную подставку, на которой держался временный щит. Пётр Лукич немедленно отодвинул подставку. На третьем проходе всё получилось, однако Аглая отметила, что рабочий переместил предмет между попытками. Если завтра подставку вернут на старое место, удачный опыт нельзя будет считать доказательством безопасности.

— Вы записываете даже то, что мы исправили? — спросил помощник.

— Именно это, — сказала Аглая. — Иначе через день кто-нибудь решит, будто подставка всегда стояла там, где не мешает.

Режиссёр велел поставить возле нового положения мелом небольшую отметку. Пётр Лукич отказался делать её на самом полу: после вечерней уборки мел сотрут. Он предложил закрепить подставку на планке и внести расстояние в рабочую книгу. Илья нашёл короткий обрезок рейки и приложил его к краю площадки, показывая, сколько места требуется для свободного прохода. Аглая записала меру словами и нарисовала простой чертёж. Никто прежде не просил её рисовать сценические приспособления, но теперь чертёж оказался понятнее спора о том, что значит «немного правее».

Кузнецов наблюдал за этой работой с возрастающим нетерпением. Он достал ведомость, которую всё утро прятал в карман, и развернул её на столе.

— Пока вы измеряете рейки, я теряю сбор, — сказал он. — Утренние покупатели требуют вернуть деньги за вчерашнее представление. Владелец зала согласился подождать до завтра, но не дольше. Если мы не объявим сегодняшний состав, кассир не продаст и половины мест.

— Объявите его, — сказала Руднева. — Только не делайте вид, что я отказалась играть сама.

— Я и не говорю, что отказались.

— Тогда отчего моё имя исчезло раньше проверки?

Кузнецов постучал пальцем по ведомости.

— Потому что я не могу второй вечер обещать публике ваш выход, не зная, состоится ли он. Газетчик вчера уже написал, что мы потеряли актрису посреди действия. Ещё одна такая заметка — и хозяин откажет нам в зале. Вы получите своё жалованье из чего? Из правоты Аглаиной тетради?

Аглая почувствовала, как все взгляды на мгновение повернулись к ней. Впервые за утро Кузнецов не только защищал собственную власть, но и назвал страх, который ею управлял. Он боялся остаться с пустой кассой, долгами перед рабочими и труппой, которую придётся распустить на пристани. От этого его решение не становилось справедливым, но приобретало понятную причину.

— Тетрадь денег не даст, — ответила Аглая. — Она только не позволит потратить их на тот же самый промах. А если вы собираетесь менять исполнительницу, зрители должны узнать об этом до покупки билета, не после поднятия занавеса.

Кузнецов убрал ведомость. Некоторое время он рассматривал две линии на полу, которыми Илья отметил положение щита. Потом попросил режиссёра подойти к нему в первый ряд. Они говорили негромко, но пустой зал разносил каждое второе слово: «сбор», «аренда», «половина жалованья», «обещание». Режиссёр один раз резко покачал головой. Когда они вернулись, лицо у него было усталым.

— На сегодняшнем представлении Анну будет играть Варвара Юдина, — объявил он. — При условии, что до двух часов мы проведём с ней полную репетицию сцены и рабочие устранят опасность у двери. Если этого сделать не удастся, представление перенесём. Руднева остаётся в труппе, вопрос о следующих вечерах открыт.

Варвара побледнела. Она не ждала, что решение прозвучит так скоро, и не испытала торжества. Руднева опустила глаза на свою шаль, лежавшую у стола. Аглая увидела, как медленно она складывает её по старым сгибам, словно пытается удержать привычный порядок хотя бы в одной вещи.

— Это распоряжение по составу, — сказала Руднева. — Я его услышала. Но не согласна с тем, что моё имя сняли с афиши без объяснения. Прошу записать отдельно.

— Записывайте, — отрывисто сказал Кузнецов.

Аглая внесла слова в тетрадь без смягчений. Затем спросила, будет ли Варваре оплачена дополнительная репетиция и кто получит деньги за работу по исправлению двери. Кузнецов рассмеялся коротко и недобро.

— Вы скоро потребуете жалованье за каждую поставленную точку.

— За точки мне платят давно, — ответила Аглая. — А за новый крюк и лишние руки у задника пока никому не обещали.

Пётр Лукич кашлянул, пряча улыбку. Режиссёр сказал, что ремонтные работы должны быть записаны отдельно, с указанием материала и времени. Он не обещал оплаты, которой не мог назначить сам. Кузнецов согласился дать плотнику дерево из запасов театра, но отказался нанимать дополнительного рабочего до подсчёта дневной выручки. Это означало, что Илье придётся искать помощника среди тех, кто уже занят другой переменой.

— Значит, условие успешного прохода не выполнено, — сказала Аглая и поставила возле него маленький крестик.

— Неужели вы будете всякий раз ставить крест, когда я не достану из кармана рубль? — спросил Кузнецов.

— Только там, где без этого рубля кто-нибудь должен одновременно стоять в двух местах.

Она не повысила голоса. Кузнецов отвёл взгляд первым. Не потому, что признал её правоту целиком, а потому, что не мог сейчас предложить другой способ держать задник. Он велел режиссёру составить список необходимого и ушёл в контору, предупредив, что решение о Варваре действует лишь до конца сегодняшнего вечера.

После его ухода никто не двинулся с места. Варвара смотрела на Рудневу, ожидая слова, которое либо разрешит ей работать, либо сделает предстоящий спектакль невыносимым. Руднева сама подошла к ней.

— Не играйте мою паузу, — сказала она. — Найдите свою. Только не позволяйте им убирать её совсем, будто героиня не думает, а выскакивает по звонку.

Варвара с трудом ответила, что попробует. Руднева покачала головой.

— Не пробуйте. Работайте. А если не услышите музыки, не бросайтесь в проём, чтобы спасти чужую неразбериху.

Они разошлись к разным концам сцены. Аглая не стала считать этот разговор примирением: слишком много оставалось нерешённым. Она попросила режиссёра дать ей ещё десять минут до общей репетиции. Нужно было перенести с черновой страницы все условия проверки на отдельный лист, чтобы рабочие могли читать его, не заглядывая через плечо суфлёрше. Илья обещал принести рейку нужной длины, Пётр Лукич — показать, какие винты надо заменить, аккомпаниатор — отметить в нотах новый порядок вступления. У каждого появилось дело, которое нельзя было передать другому молчаливым кивком.

Когда режиссёр ушёл за плотником, Аглая осталась возле столика с двумя незаполненными графами: «кто принимает знак» и «кто отвечает за свободный проход». Она уже собиралась вписать имена, но заметила, что помощник режиссёра, которому поручили красную палочку, стоит у окна и растерянно смотрит на улицу.

— Вас что-то тревожит? — спросила она.

— Во время второго действия я должен вести выход детей, — сказал он. — И в то же время меня назначили сюда. Я думал, что успею, но между сценами всего одна перемена. Если ребёнок задержится за кулисой, кто подаст знак?

Аглая положила карандаш. Ещё одно несовместимое распоряжение обнаружилось не в прошлой ошибке, а в плане её исправления. Она перечеркнула имя помощника, не тронув остальные записи, и пошла искать режиссёра до того, как кто-нибудь успел объявить проверку законченной.

Режиссёра она нашла у лестницы, где плотник раскладывал инструменты на мешковине. Тот уже успел назвать цену за новую вставку в дверную раму и теперь спорил с Петром Луки-

чом о толщине доски. Аглая дождалась, пока они перестанут мерить проём, и показала режиссёру перечёркнутое имя.

— Мы опять назначили одного человека на два выхода, — сказала она. — Только на этот раз ещё до представления.

Режиссёр прочёл запись и выругался вполголоса. Он велел помощнику принести расписание всех перемен, составленное накануне. На листе значились артисты, но обязанности рабочих были записаны на полях разными руками. Возле третьего действия стояло «знак», без фамилии; возле второго — «дети», тоже без времени окончания. Режиссёр понял, почему утром ему казалось, будто свободных людей больше, чем на самом деле.

Они разложили расписание на ступеньке и начали отмечать не роли, а минуты, в которые каждый человек должен находиться в определённом месте. Выяснилось, что костюмерша одновременно застёгивает Варваре ворот и помогает статистке переодеться; Илья обязан убрать кресла перед тем, как принять задник; сам помощник режиссёра проводит детей к лестнице, где нельзя оставлять их без присмотра. Отчего-то все эти дела считались мелкими, пока их не поставили рядом.

— Мне нужен не лишний человек на бумаге, — сказал режиссёр. — Мне нужен человек, который действительно сможет стоять возле этой кулисы.

Пётр Лукич предложил временно поручить красный знак Никите, исполнителю маленькой роли лакея. После своей реплики тот уходил за левую кулису и до конца действия не возвращался. Аглая попросила привести его, прежде чем записывать фамилию. Никита оказался худым молодым актёром с обветренными руками. Он выслушал поручение и сказал, что по старому расписанию обязан переодеться в одежду кучера для финальной сцены.

— Успеете? — спросил режиссёр.

— Если не заставят надевать парик, — ответил Никита. — В парике я не успею.

Режиссёр согласился обойтись без парика: Никита подаст знак, передаст палочку Петру Лукичу и сразу уйдёт переодеваться. Сундук из прохода велели убрать заранее.

Аглая снова раскрыла тетрадь. На этот раз она не поставила рядом с именем галочку, пока Никита сам не прочёл вслух порядок действий. Он произнёс его без запинки и попросил, чтобы красную палочку оставляли на одном крюке, а не бросали где придётся. Илья вбил небольшой гвоздь в стойку кулисы. На вид это было смешное достижение после двух часов разбирательства, но теперь у знака появилось место, а у человека — ясное поручение.

Кузнецов вернулся, когда плотник начал подгонять вставку. Он посмотрел на раскрытую ведомость и сказал, что сегодня не даст денег за дополнительные часы. Режиссёр ответил, что часть работы ещё можно выполнить в обычное репетиционное время, однако до полного прогона он не разрешит объявлять дверь исправной. Кузнецов стиснул набалдашник трости.

— Вы хотите, чтобы я печатал на афише перечень ваших сомнений?

— Нет, — сказал режиссёр. — На афише должен быть состав. А сомнения останутся здесь, пока мы не проверим их делом.

Антрепренёр ушёл, не дав нового распоряжения. Это молчание никто не принял за согласие на все расходы. Аглая внесла в запись: дерево выдано из запаса, оплата дополнительного рабочего не утверждена, порядок сигналов испытан только без установленной двери. Режиссёр подписал лист под этими словами. Пётр Лукич поставил свою фамилию возле описания ремонта; Илья — возле положения задника. Аккомпаниатор подписался за два музыкальных вступления, отдельно указав, что окончательный выбор ещё предстоит сделать на полной репетиции.

Варвара тем временем сидела у пустой суфлёрской раковины и повторяла текст, заглядывая в тетрадь Рудневой. Та стояла рядом, не поправляя каждую интонацию, как делала бы на уроке. Когда Аглая подошла, Варвара показала ей место перед выходом Анны.

— У меня здесь другая фраза, — сказала она. — В конторском экземпляре её сократили. Я думала, так и надо играть.

Аглая посмотрела на обе страницы. В одной реплика партнёра заканчивалась вопросом; в другой последняя строка была вычеркнута, и ответ Анны начинался раньше. На полях конторской книги стояла карандашная помета, похожая на распоряжение о сокращении сцены, но без даты и подписи. Именно эта строка определяла, когда актриса должна услышать последнее слово перед выходом.

— Сегодня мы проверяли дверь и музыку, — тихо сказала Аглая. — А теперь придётся узнать, какой текст люди вообще считают действующим.

Она попросила Варвару не заучивать исправленную строку до разговора с режиссёром, а Рудневу — не убирать старую тетрадь. В зале уже начинали стучать молотками. До назначенной репетиции оставалось меньше часа, и Аглая впервые испугалась не того, что они не успеют починить дверь, а того, что после починки каждый выйдет на сцену со своей версией одной и той же пьесы.

Глава 3. Чужая реплика

Пока плотник подгонял в дверной раме новую вставку, Аглая отнесла обе тетради в пустую оркестровую ложу. Там было светлее, чем у суфлёрской раковины, и никто не мог ненароком залить страницы клеем или засыпать стружкой. Из зала доносились удары молотка, осторожные, с долгими промежутками: Пётр Лукич боялся расколоть старое дерево. Каждая пауза между ударами казалась Аглае отсчётом времени до репетиции.

Она разложила книги рядом. В тетради Рудневой партнёр Анны спрашивал: «Вы всё ещё верите, что можно уйти, не простившись?» Затем следовала короткая ремарка о тишине и ответ Анны. В конторском экземпляре вопрос обрывался после слова «уйти», ремарка была зачёркнута, а над строкой кто-то вписал: «Музыка сейчас». Если читать вторую книгу, Анна должна была появиться на сцене прежде, чем партнёр успевал повернуться к двери. Если читать первую, у рабочего оставалось несколько мгновений, чтобы открыть проход.

Сама по себе купюра не была преступлением. В дороге труппа сокращала длинные пьесы постоянно: иногда из-за позднего парохода, иногда из-за хозяина зала, который требовал освободить помещение к определённому часу. Но сокращение, о котором не знали ни актриса, ни музыкант, превращалось из художественного решения в ловушку. Аглая провела под обеими строками тонкую черту и написала на отдельном листе два порядка действия. В первом музыка начиналась после вопроса; во втором — на его середине. Она ещё не знала, кто утвердил перемену, и не хотела подменять незнание подозрением.

Варвара пришла в ложу с тетрадью, прижатой к груди.

— Режиссёр велел учить по конторской книге. А Елизавета Петровна говорит, что сцена от этого теряет смысл. Я должна решить, кого слушаться?

— Не вам решать, какой текст действует, — ответила Аглая. — Это обязанность режиссёра. Вам нужно показать ему, что получится при каждом варианте. Не скрывая, где вы запинаетесь.

— Если я запнусь при Кузнецове, он передумает насчёт роли.

— А если вы промолчите и запнётесь перед публикой, он скажет, что предупреждал вас заранее.

Варвара присела на край скамьи. На её рукаве осталась белая нитка от примерки. Она теребила её, пока та не оборвалась, и призналась, что с утра уже трижды представляла себе, как Руднева смотрит на неё из-за кулисы. Не со злостью даже — с тем вниманием, которым старшая актриса обычно замечала чужие неверные ударения. Варваре казалось, что она будет играть не перед зрителями, а перед одной женщиной, чьё место заняла.

— Вы не заняли её место навсегда, — сказала Аглая. — Вам поручили сегодняшний выход, и то с условиями. Если хотите быть честной с ней, не надо изображать, будто роль вам безразлична. Она сразу поймёт, что это неправда.

— Мне она не безразлична, — быстро ответила Варвара. — Я учила её прошлой зимой, когда думала, что нас возьмут в другой театр. Только там Анна говорила последнюю фразу совсем иначе. Тише. Будто она не оправдывается, а впервые перестаёт просить разрешения.

Аглая подняла глаза. Это было первое за утро замечание Варвары не о том, как избежать ошибки, а о том, зачем героиня вообще выходит на сцену. Она предложила прочитать оба варианта вслух. Варвара начала с полного вопроса. В тесной ложе её голос прозвучал неуверенно, зато ответ Анны оказался ясным. При сокращённой реплике девушка поспешила, словно пыталась догнать чужую мысль. Она остановилась сама.

— Здесь я выхожу сердитой, — сказала она. — А в полном тексте мне сначала страшно. Я ведь ещё не знаю, отпустит ли он меня.

— Запомните разницу, — сказала Аглая. — Она пригодится, даже если режиссёр оставит сокращение.

В дверях ложи появилась Руднева. Аглая не слышала, как она подошла. Актриса держала в руках маленькую жестяную коробку с булавками; костюмерша попросила её вернуть вещь до примерки. Руднева посмотрела на раскрытые страницы и сразу поняла, чем они заняты.

— Полный вопрос? — спросила она.

— И сокращённый, — ответила Варвара. — Я хотела узнать, как играть, если его оставят.

Руднева поставила коробку на скамью, но не стала отбирать книгу. Вместо этого попросила Варвару повторить начало сцены, а Аглаю — произнести реплику партнёра. Когда вопрос оборвался на слове «уйти», Руднева подняла ладонь.

— Вот здесь нельзя уже поворачиваться к зрителям. Вы ещё слушаете человека, который не договорил. Иначе кажется, что Анна заранее приготовила ответ и только ждала удобной минуты.

Варвара повторила движение. На этот раз она не шагнула, а перенесла вес с одной ноги на другую. Руднева кивнула.

— Это ближе. Только не берите мою паузу на память. Я выдерживаю её потому, что знаю, кого вижу за дверью. Вы должны найти своё основание остановиться.

— Я думала, вы не захотите мне помогать, — вырвалось у Варвары.

— Я и не хотела, — сказала Руднева. — Когда утром увидела афишу, не хотела даже входить сюда. Но если вы провалитесь из-за тех же распоряжений, никто не вспомнит, что они были неправильными. Скажут, будто у нас две плохие актрисы вместо одной.

Она произнесла это без улыбки. Аглая заметила, как Варвара перестала мять рукав. Обе женщины на мгновение оказались по одну сторону трудной сцены, хотя спор о составе никуда не исчез.

Режиссёр пришёл за ними сам. На лестнице он столкнулся с помощником, который нёс список перемен, и теперь держал этот список, свёрнутый трубкой. Услышав о двух текстах, он попросил показать помету о сокращении. Аглая подала книгу открытой, не объясняя заранее, что именно следует увидеть. Режиссёр узнал почерк не сразу. Он прищурился, наклонил страницу к свету и сказал:

— Это моя запись. В Самаре я велел убрать конец вопроса, потому что мы тогда не успевали к последней конке. Но музыкантам я приказал сохранить прежнее вступление. Кто перенёс знак на середину строки?

Он не спросил с обвинением. Скорее был поражён тем, что его старое распоряжение продолжало жить собственной жизнью. Аглая показала другую помету — ту, что появилась в конторском экземпляре позднее. Почерк был не режиссёрский, буквы вытянутые, с нажимом на последнем слоге.

— Не знаю, — сказал он после долгого взгляда. — И не стану угадывать. Принесите книгу аккомпаниатору. Пусть скажет, когда получил новое указание.

На сцене уже стоял отремонтированный проём без створки. Пётр Лукич оставил дверь на полу, подложив под неё два бруска, и не позволял никому поднимать, пока клей в раме не схватится. Илья разматывал верёвку задника, проверяя, не задевает ли она свежую рейку. Увидев режиссёра с двумя актрисами, он поднял руку, прося не начинать раньше времени.

— У меня ещё четверть часа, — сказал он. — Если пустите щит сейчас, всё придётся ставить заново.

Режиссёр взглянул на часы. До назначенной репетиции оставалось двадцать минут. Он мог приказать ускориться, но вместо этого велел всем собраться у рояля и проверить текст без движения декораций. Аглая услышала, как Илья облегчённо выдохнул. Не всякая задержка была потерей времени: иногда она позволяла не ломать то, что только начали чинить.

Аккомпаниатор развернул ноты на крышке рояля. Возле нужного такта красовалась короткая карандашная стрелка, а под ней — дата, поставленная рукой самого музыканта. Он объяснил, что неделю назад помощник режиссёра принёс конторскую книгу и попросил начинать музыку сразу после слова «уйти». Помощник уверял, будто так теперь играют везде, и ссылался на приказ из конторы. Аккомпаниатор перенёс знак, не спрашивая режиссёра: до этого подобные сокращения действительно передавали через помощника.

— Я виноват в том, что не уточнил, — сказал он. — Но вчера я вступил точно там, где у меня отмечено.

— А я ждала конца вопроса, — произнесла Руднева. — И дверь в это время оставалась закрыта.

— Створка застряла не из-за музыки, — возразил Пётр Лукич с лестницы. — Не смешивайте две беды в одну.

Аглая попросила позволения записать именно это. Она не хотела, чтобы обнаруженная купюра объяснила заодно все повреждения и избавила кого-нибудь от необходимости чинить раму. Режиссёр согласился: в одном выходе совпали разные несогласованные изменения, но каждое требовало своего исправления. Он велел аккомпаниатору сыграть оба вступления и не переносить стрелку до окончательного решения.

Помощника режиссёра разыскали в костюмерной, где он помогал одевать детей для второго действия. Он пришёл с иголкой, зажатой между пальцами, и долго не понимал, почему его спрашивают о старой записи. Когда ему показали помету, он вспомнил, что в день приезда труппы Кузнецов требовал сократить представление на десять минут. Помощник переписал прежнюю купюру из дорожной книги, а слова о музыкальном знаке добавил сам, решив, что раз вопрос укоротили, оркестр должен вступать раньше.

— Я думал, это следует одно из другого, — сказал он.

— На сцене ничего не следует само собой, — ответил режиссёр. — Вы должны были спросить меня, а я — проверить, что дошло до всех.

Помощник опустил глаза. Аглая видела, что ему стыдно, и всё же не стала вычёркивать его объяснение из записи. Он не хотел подставить Рудневу. Он хотел сделать работу быстрее и не знал, сколько других людей окажутся связаны с одной его стрелкой. Это не оправдывало поспешности, зато давало возможность исправить порядок, а не искать удобного виновника. Режиссёр велел собрать все экземпляры к полному прогону; до его подписи никому не разрешалось менять ни строку, ни музыкальный знак.

Аглая положила на край рояля лист, исписанный двумя столбцами, и прижала его тяжёлым подсвечником. В одном столбце стояли слова, которые произносили актёры; в другом — движения людей, не выходивших к зрителям. Ей казалось, что стоит разнести их по разным строкам, и станет понятно, отчего вчерашний вечер рассыпался. Но уже на третьей строке обе

колонки сходились: пока Анна слушала вопрос, Илья должен был отвести задник, а помощник — освободить проход. Без одного движения другое теряло смысл.

— Мы начнём без декораций, — объявил режиссёр. — Сначала слово. Потом музыка. И лишь затем движение. Не спорьте со мной о вчерашнем, пока не увидите сегодняшнего.

Кузнецов появился у боковой двери с конторской книгой под мышкой. Он не снял пальто и оставил шляпу на голове, словно зашёл на минуту и сейчас отправится дальше. От его рукавов пахло холодным табаком и мокрой шерстью. За ним шёл кассир, которого никто не приглашал на репетицию. Кассир держал узкий листок с цифрами и смотрел не на сцену, а на пустые ряды.

— Сколько ещё продлится учёный совет? — спросил Кузнецов. — К полудню должны открыть кассу. Я не намерен платить за закрытые двери.

— Касса откроется вовремя, — ответил режиссёр. — Если вы не заставите меня объявить спектакль, который нельзя сыграть.

Кузнецов хотел возразить, но Руднева поднялась со скамьи и подошла к Варваре. На старшей актрисе было простое тёмное платье; волосы она ещё не убрала для сцены. Варвара, напротив, уже надела костюм Анны, и слишком длинный подол приходилось придерживать пальцами. Они стояли рядом, не похожие ни ростом, ни осанкой. Аглая впервые ясно увидела, как нелепо было говорить об их замене так, будто одна женщина должна только встать на место другой.

— Начинайте вы, — сказала Руднева Варваре. — Я послушаю со стороны. Если начну сама, вы станете повторять за мной даже то, чего не хотите.

Варвара кивнула, но сразу не двинулась. Её партнёр, высокий артист с усталыми глазами, спросил, какой из двух вопросов следует произнести. Режиссёр указал на полную редакцию: сегодня надо было услышать весь смысл, прежде чем решать, что сокращать. Партнёр недовольно повёл плечом. Он уже неделю учил укороченную фразу и боялся ошибиться. Аглая предложила ему прочитать с листа. В этой просьбе не было снисхождения: лучше чужая бумага в руке, чем привычное слово, брошенное не вовремя.

Когда вопрос прозвучал целиком, Варвара остановилась возле нарисованной мелом линии. Её лицо переменилось не от усилия, а от неожиданной тишины после последнего слова. Она не сделала шага. Смотрела на партнёра так, словно услышала в вопросе то, чего прежде не замечала. Руднева, сидевшая у прохода, чуть наклонилась вперёд, но не подсказала.

— Теперь ответ, — тихо сказал режиссёр.

— Я думала, что уйти можно только тогда, когда меня отпустят, — произнесла Варвара. — Теперь знаю: дверь не держит человека, если он сам не стоит перед нею.

Она сказала это без громкого вызова. Аглая почувствовала, как в зале изменилась тишина. Даже кассир перестал перебирать листок. Вчера та же реплика тонула под преждевременной музыкой и грохотом двери. Сегодня она впервые дошла до людей, которые знали её наизусть.

— Не делайте из этого торжества, — заметила Руднева. — Анна ещё не ушла. Она только решилась.

Варвара обернулась к ней, готовая принять замечание как упрёк. Но Руднева продолжила уже мягче:

— После этих слов не смотрите в зал. Ищите, куда поставить ногу. Человек, решившийся уйти, должен сперва увидеть дорогу.

Режиссёр попросил повторить. Во второй раз Варвара опустила глаза к меловой черте и едва заметно перенесла тяжесть тела вперёд. Получилось точнее. Аглая сделала помету о паузе, не назначая ей количества ударов сердца. Одно и то же молчание нельзя было выдать обеим исполнительницам по расписке.

За дверью заскрипела лестница. Пётр Лукич пришёл сказать, что клей схватился, но петли ставить ещё рано: раму нужно подержать в струбцине. Илья показал с другого конца сцены, как проходит верёвка задника. Если сдвинуть щит до того, как освободится правая кулиса, полотно ложилось складкой и закрывало актрисе обзор. Этого вчера никто не заметил — все смотрели на заклинившую створку.

— Значит, пока играем без двери, — сказал режиссёр.

— И без уверенности, что вечером она будет, — ответил Илья.

Кузнецов снял наконец шляпу.

— Я распорядился починить. Чего ещё вы от меня хотите?

— Чтобы вы выслушали, что именно чинят, — сказал Илья. — Створка может открываться как новая, а проход останется узким, если задник идёт раньше знака. Это не работа плотника.

Аглая ожидала резкого ответа. Кузнецов умел прерывать рабочих одним взглядом. Но кассир наклонился к нему и что-то шепнул, показывая цифры. Антрепренёр сжал губы и отвернулся к окну. В эту минуту его занимала не сцена, а деньги; Аглая поняла это по тому, как он машинально разгладил угол листка. Она не знала ещё, насколько плохи дела, и не хотела строить догадки на чужом лице.

Варвара попросила повторить сцену с музыкой. Аккомпаниатор сел к роялю, положил рядом оба экземпляра и выбрал полное вступление. Мелодия началась после ответа Анны. В ней было всего несколько простых аккордов, но, освобождённые от суеты, они прозвучали почти чужими. Варвара сделала шаг. Аглая подняла ладонь, показывая воображаемый знак Илье. Тот отступил за задник и потянул верёвку так, чтобы движение было видно с первого ряда.

— Стойте, — сказала Руднева.

Никто не понял, кому она велела остановиться. Руднева вышла из прохода, попросила Варвару остаться на месте и сама прошла путь от меловой черты к кулисе. На третьем шаге ей пришлось повернуть плечо. Костюм Варвары был уже в талии, зато юбка шире; край ткани задел бы стойку даже при свободной двери. Руднева не стала показывать это с торжеством.

— Я прохожу здесь боком по привычке, — сказала она. — А Варвара не знает, что надо повернуться. Если заставить её копировать мой ход, она будет смотреть себе под ноги вместо партнёра.

— Тогда отодвинем стойку, — предложил Илья.

— А за стойкой висит другая декорация, — напомнил Пётр Лукич. — Её нельзя двигать без опоры.

Режиссёр вышел на сцену и сам попробовал пройти между двумя щитами. Мужчина в сюртуке легко протиснулся, после чего Руднева велела ему взять обеими руками свёрнутую портьеру, чтобы представить широкий подол. Он застрял на втором шаге. Сначала в зале раздался смешок, затем все увидели, что актриса не придирается. Режиссёр поставил портьеру на пол и потребовал замерить проход.

Илья принёс складной аршин. Аглая записала ширину в трёх местах; внизу она оказалась меньше, чем на высоте плеча. Рабочий объяснил, что деревянная подставка, оставленная после прошлой постановки, выступает из-под щита. Её можно убрать, но тогда задник придётся закрепить новым способом. Пётр Лукич попросил не трогать подставку, пока не приготовит другую опору. Он говорил спокойно, но с той усталостью, которая появляется, когда каждому кажется, будто исправление чужой ошибки займёт одну минуту.

— Можно поднять юбку, — сказала Варвара. — Я не упаду.

— Можно, — согласилась Руднева. — Но тогда зритель увидит не Анну, которая уходит из дома, а актрису, которая боится зацепиться. Вы имеете право не соглашаться на это.

Слова прозвучали непривычно. Варвара привыкла слышать от старших, что молодые должны благодарить за любую роль. Теперь женщина, лишившаяся своего имени на афише, защищала право соперницы не унижаться перед неудобной сценой. Аглая отметила это про себя, но в тетрадь не записала. Не всякое важное событие превращалось в распоряжение.

Кузнецов подошёл ближе.

— Что вы предлагаете? Отменить представление из-за доски?

— Я предлагаю не принимать решения, пока не поставлена другая опора, — ответил режиссёр. — И пока мы не проверили весь выход в костюме. Это займёт время, но не весь день.

— А если не успеете?

— Тогда зрителям скажут правду о переносе. Они платят за спектакль, а не за то, чтобы смотреть, как актриса ломает ногу.

Кузнецов бросил взгляд на кассира. Тот отвёл глаза. Аглая видела, как антрепренёр взвешивает слова: в городе уже смеялись над вчерашним провалом, и ещё одно объявление могло обернуться убытком. Но приказать деревянной стойке стать тоньше было невозможно. Он разрешил взять из кладовой две новые скобы и велел принести ему счёт. Илья тут же уточнил, кто поставит их и успеет ли к репетиции. Кузнецов назвал имя второго рабочего. Илья напомнил, что тот сегодня на погрузке. Тогда антрепренёр нехотя согласился снять его с повозки на час.

Аглая внесла распоряжение в отдельный лист. Кузнецов заметил это и спросил, не собирается ли она потом предъявить ему каждую произнесённую фразу. Она ответила, что записывает не его слова, а работу, которую должны выполнить. Если к вечеру скоб не окажется, по листу будет видно, кого надо спросить и кто не виноват. Кузнецов не улыбнулся, однако больше не спорил.

Пока мужчины обсуждали дерево, Варвара сняла тяжёлую юбку и осталась в нижней репетиционной. Руднева помогла ей расстегнуть крючки на спине. Две костюмерши смотрели на них из дверей мастерской. Одна прошептала, что такого не бывало: Руднева сама одевает замену. Аглая услышала и попросила не превращать работу в зрелище. Костюмерша вспыхнула, но не ушла; вместо этого предложила подшить подол так, чтобы он не цеплялся за сапоги.

— Только не укорачивайте без разрешения, — сказала Варвара. — Это костюм Елизаветы Петровны.

— Сегодня в нём выходите вы, — ответила Руднева. — Если подол мешает, его надо исправить. Мне не нужна целая юбка ценой вашего падения.

Они перенесли костюм к окну. Солнце легло на выцветший бархат, обнаружив места, где ткань уже дважды перешивали. Варвара держала край, пока костюмерша подкалывала его булавками. Руднева показала, как поднять ткань на внутренней ленте, не меняя силуэта. Впервые за день они говорили о роли через вещь, которую можно было держать руками, и разговор перестал походить на судебное разбирательство.

Аглая вернулась к роялю. Там лежала конторская книга, оставленная режиссёром, и возле неё — лист с двумя вариантами вступления. Она перечитала старую запись и вдруг заметила, что на соседней странице сокращён ещё один разговор, уже после выхода Анны. Там тоже стояла стрелка, но не музыкальная: маленький знак указывал на перестановку стула. Если сокращение оставить, рабочий должен был убрать стул до того, как актриса пересечёт сцену. В полной редакции времени хватало. В сокращённой — нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.